

Красноречие — тоже грех

Когда Чу Цы переступил порог поместья Чжанов, Чжан Вэньхай пребывал в самом разгаре воодушевленной речи. Судя по его самодовольному тону, сегодняшняя вылазка в академию Цишань ради «поиска недочетов» увенчалась полным успехом.

— Брат Чу! Наконец-то ты вернулся, я уж заждался! — Вэньхай поспешил навстречу гостю, едва скрывая возбуждение. Схватив друга за руку, он увлек его в дом. — Позволь представить: мой добрый друг по академии Цишань, Фан Цзиньян. Цзиньян, а это тот самый сюцай Чу Цы, о котором я тебе столько рассказывал.

Фан Цзиньян казался человеком болезненным: даже в этой по-летнему теплой комнате его лицо оставалось бледным, а речь то и дело прерывалась сухим кашлем. Тем не менее в его глазах светилась искренняя приязнь.

— Наслышан о славном имени сюцай Чу из деревни Чанси, — заговорил он, приветливо глядя на гостя. — Давно мечтал познакомиться лично, и сегодня мое желание наконец исполнилось.

— Брат Фан слишком добр ко мне. Я лишь обычный человек, надеюсь, реальность не слишком разочарует вас, — Чу Цы ответил вежливым поклоном.

Они обменялись любезностями, и у каждого осталось приятное впечатление о собеседнике. Чуть позже, в ходе беседы, гость наконец понял причину столь бурного ликования хозяина дома.

Сегодня Чжан Вэньхай, как и обычно, отправился в академию Цишань, где ожидаемо столкнулся с насмешками студентов. Но, к всеобщему удивлению, он не вспылил, а напротив — предложил обидчикам состязание в знаниях.

Результаты поединка заставили многих по-новому взглянуть на него. Тот, кого привыкли считать тугодумом, медлительным во всём, за что бы он ни брался, словно обрел второе дыхание. Он без запинки отвечал на вопросы по канонам, не путаясь в тецзинах и мой, и с легкостью щелкал сложнейшие задачи из «Девяти глав».

После нескольких раундов Чжан Вэньхай хоть и не одержал полную победу, но заставил противников изрядно покраснеть от стыда. Не желая мириться с поражением, те потребовали продолжения.

— Мы и так потратили уйму времени, — с улыбкой возразил Вэньхай. — Если продолжать в том

же духе, состязание затянется до темноты.

— Уж не струсил ли ты? — выкрикнул один из студентов, который только что проиграл в математическом споре.

— Отнюдь. Просто у меня есть задача попроще. Если во всей академии не найдется никого, кто сможет ее решить, вы принесете мне извинения, — Чжан Вэньхай принял картинно-самодовольный вид.

— Какая наглость! А если кто-то справится, ты падешь перед нами на колени и отвесишь несколько земных поклонов, идет? — книжники были окончательно разъярены.

— Это уже чересчур, — Фан Цзиньян нахмурился, не скрывая возмущения. — Зачем превращать ученый спор в попытку унижить человека?

— Пусть тогда признает, что не смеет тягаться с нами, и не разбрасывается громкими словами!
— провокатор продолжал подначивать оппонента.

— Сравнимся так сравнимся! — Вэньхай изобразил праведный гнев. — Задавайте условия!

Он обвел взглядом уверенных в себе студентов и внезапно улыбнулся — в точности так, как это делал Чу Цы.

— Задача проста: у меня есть кисть. Если кто-то из присутствующих сможет перешагнуть через нее, я признаю свое поражение.

— Это не считается! Если твоя кисть длиной в чжан, как нам через нее перешагнуть?

— Обычная кисть. Или вы боитесь? — Чжан Вэньхай извлек из-за пазухи тонкую кисточку из волчьей шерсти длиной всего с ладонь. Перешагнуть через такую смог бы и ребенок.

Вокруг раздались смешки, напряжение спало. Студенты решили, что юноша просто спятил от усердной учёбы или пытается как-то нелепо схитрить.

— Клади свою кисть, и мы покончим с этим.

Вэньхай, не обращая внимания на издевки, невозмутимо подошел к стене и положил кисть в самый угол, вплотную к стыку двух стен.

— Прощу, — жестом пригласил он. — Кто будет первым?

Вспоминая сегодняшний триумф, Чжан Вэньхай снова зашелся в радостном смехе. Чу Цы мысленно аплодировал другу.

«Надо же, как мастерски он их разыграл!»

Позже, оставшись один, Чу Цы достал тему сочинения, заданную Учителем Цинем. На листе значилось: «Суровая зима, великие холода. Снег не утихает три дня, дороги заблокированы, скот гибнет на путях, народ страдает от голода. Как должен поступить чиновник?»

Тема была пугающе злободневной. Зима только входила в свои права, и стужа уже кусалась.

В древности природные бедствия были поистине катастрофичны. Чу Цы как-то слышал рассказ соседей о том, как однажды зимой свадебный кортеж попал в буран. Люди укрылись в полуразрушенном храме, а когда снега сошли, родственники нашли лишь тридцать замерзших тел. С тех пор зима внушала людям суеверный ужас, и свадеб в это время года почти не играли.

Чу Цы задумался, а затем уверенно вывел на бумаге:

«Великие снега и перемены погоды всегда имеют свои предвестники. Народная мудрость гласит: „Когда небо затягивает тучами, жди обильных снегов“. Если чиновник будет бдителен, он заранее разошлет гонцов, дабы те с боем литавр предупредили народ и уменьшили потери... Если же беда уже пришла, первой заботой правителя должно стать донесение вышестоящим властям, а второй — раздача зерна из амбаров для спасения голодающих. Когда же метель утихнет, следует применить метод „труда вместо подаяния“, призвав крепких мужчин на расчистку дорог. Павший же скот надлежит немедля предавать земле, дабы не допустить мора...»

Он писал вдохновенно и размашисто, пока не обнаружил, что исписал уже несколько листов. Чу Цы поднял бумагу, подул на влажные чернила и приступил к самому утомительному делу — подсчету знаков.

Современные школьники впадают в уныние, видя требование «не менее восьмисот слов». Но на государственных экзаменах древности ценилась лаконичность. Сочинение должно было уложиться в пятьсот знаков.

Пересчитав написанное, Чу Цы замер в изумлении. Ему казалось, что он только начал раскрывать мысль, а счетчик уже перевалил за семьсот. Положив листы на стол, он тяжело вздохнул. Впервые в жизни он осознал, что умение красиво излагать мысли может быть наказанием.

«Это не научная диссертация! — твердил он себе. — Не больше пятисот знаков! Превысишь — не зачислят! Помни об этом!»

С этой мыслью он снова взялся за кисть, безжалостно вычеркивая лишнее, упрощая громоздкие фразы и смягчая резкие обороты. Когда он наконец закончил, луна уже стояла в зените.

Петухи пропели уже трижды, но дверь в комнату Чу Цы всё еще была заперта. Чжан Вэньхай хотел было постучать, но Фан Цзиньян удержал его.

— Вэньхай, удобно ли так бесцеремонно беспокоить его? Брат Чу не обещал обучать меня Уциньси. Может, не стоит навязываться?

— Цзиньян, не переживай. Брат Чу — человек широкой души. Он научил этому не только меня, даже Сяо Чэн-цзы занимается с нами. Тебе с твоим слабым здоровьем это пойдет только на пользу.

Сердце Фан Цзиньяна дрогнуло. На экзаменах в холодную пору его тело вечно подводило: он едва выдерживал полдня, после чего его в беспамятстве уносили из кельи. Родные не корили его, понимая недуг, но сам он томился от горечи, ведь знал ответы на все вопросы.

Пока молодой человек предавался раздумьям, Вэньхай уже всю стучал в дверь. За время их совместной жизни он изучил привычки друга досконально. Услышав настойчивый стук, Чу Цы со вздохом открыл глаза и начал нащупывать одежду.

— Брат Чу, у Цзиньяна слабое здоровье. Позволишь ли ты ему заниматься с нами? — спросил Чжан Вэньхай, как только хозяин комнаты показался на пороге.

Чу Цы взглянул на смущенного Фан Цзиньяна, стоявшего чуть поодаль.

— Конечно. Любой желающий может присоединиться. Думаю, великий лекарь Хуа То, создавший этот комплекс, был бы только рад его распространению среди людей.

Обрадованные друзья вошли в комнату. Чжан Вэньхай привычным движением скинул одежду, оставшись в нижнем белье, и принялся активно разминаться. Фан Цзиньян застыл как вкопанный — ему еще никогда не доводилось раздеваться при посторонних.

— Цзиньян, ну чего ты ждешь? Снимай лишнее! Нужно разогреться как следует, чтобы кровь заиграла, иначе на улице сразу подхватишь простуду.

Юноша нерешительно коснулся завязок халата, не зная, как поступить.

— Брат Фан, можете снять только верхнюю накидку, — мягко вмешался Чу Цы. — Ваше тело не привыкло к нагрузкам, так что начнем понемногу.

Фан Цзиньян с облегчением выдохнул, аккуратно сложил одежду и принялся повторять странные движения за Чжан Вэньхаем.

Закончив разминку, они вышли во двор. Вэньхай двигался уже вполне уверенно. Его спутник поначалу сильно мерз, в горле у него першило, но когда тело пришло в движение, он обнаружил, что холод вполне терпим.

Чжан Вэньхай к концу занятия весь взмок от пота. Сяо Чэн-цзы уже приготовил для него горячую воду для омовения.

Чу Цы лишь слегка разругался. А вот на лице Фан Цзиньяна проступил здоровый блеск, хотя пота не было и в помине. Слуга тут же набросил на него подбитый мехом плащ, опасаясь новой болезни хозяина.

— Простите за мою слабость, — горько улыбнулся тот. — Тело подводит меня уже три года, и близкие привыкли дрожать над каждой пылинкой.

— Брат Фан, случалось ли вам прежде замерзнуть до полусмерти? — поинтересовался Чу Цы.

— Никогда, — тот покачал головой. — Я не болел ничем серьезным. Лекари, проверяя мой пульс, не находят причин для слабости и лишь выписывают укрепляющие отвары.

— Как говорится, в каждом лекарстве есть доля яда, — заметил Чу Цы. — Возможно, вам не стоит увлекаться снадобьями, чтобы их сила не копилась в теле без нужды.

— Истинно так. Один старый лекарь говорил мне то же самое, — улыбнулся Фан Цзиньян. — Но без этих отваров я, боюсь, и шага за порог сделать не смогу.

Чу Цы внимательно посмотрел на него. Собеседник вовсе не казался безнадежным доходягой. Раз лекари не находили причин, значит, дело было в образе жизни. Скорее всего, чрезмерная опека домашних превратила его в тепличный цветок.

С приходом Чжан Вэньхая разговор прервался.

Позавтракав, Чу Цы взял с собой ночные труды и снова отправился в уездное училище.

В этот час в классах шли занятия. Учитель Цинь читал лекцию в одной из аудиторий. Чу Цы неспешно прогуливался по территории, невольно напоминая себе завуча, проверяющего учебный процесс.

— Чу Цы, что ты здесь делаешь?

Юноша обернулся и увидел Главу академии Кун. Рядом с ним под деревом цветущей сливы стоял незнакомый старец.

Чу Цы смутился и, подойдя к ним, отвесил глубокий поклон.

— Ученик пришел за советом к Учителю Циню, но застал его за уроком. Не желая мешать, я решил немного прогуляться. Если я нарушил правила, прошу Главу академии наказать меня.

— Ничего страшного, — отозвался Глава академии Кун. — Главное — не подходи слишком близко, чтобы не отвлекать студентов.

— Благодарю вас, — Чу Цы уже собирался откланяться, чтобы не мешать беседе почтенных мужей, как вдруг старец проявил любопытство.

— Старый друг, позволишь ли мне взглянуть на свитки в твоих руках?

Обращение «старый друг» вызвало у Чу Цы невольную улыбку. Таков был обычай: обладатели степени сюэя, независимо от возраста, величали друг друга именно так. Те же, у кого степени не было, звались лишь «юными друзьями», даже если голова их была бела как снег.

— Почту за честь, если наставник соизволит дать мне совет, — ответил Чу Цы, протягивая бумаги.

<http://bllate.org/book/15354/1421479>